

Тяжелая ноша Елены Барбаш

Не так давно на телеэкранах одна за другой появились три новые работы одного из ведущих российских клипмейкеров Георгия Гаврилова: "Птица", "Он меня поцеловал" и "Money" — деньги то бишь. Имя исполнительницы было известно немногим, но лицо, необычное, характерное, запомнилось. И клипы тоже. Особенно первые два. Во втором певица удачно вписалась в городок времен покорения американского дикого Запада, и песня сопровождалась сценками из классических вестернов. "Он меня поцеловал и ушел по склону гор", — сообщала она, а Юлл Бринер слушал сочувственно и затягивался сигарой, чего ему, как известно, не следовало делать, ибо никотин и свел его в могилу. Впрочем, речь не о нем, а о **Елене Барбаш**, которая, кстати, не курит, не пьет, истязает себя вегетарианством и вообще хочет умереть здоровой. Тусоваться, как это водится в нашем шоу-бизнесе, не любит и потому, выступив в каком-нибудь ночном клубе, в "Манхэттене" или "Жар-птице", сразу же устремляется домой, поскольку считает, что ночная жизнь вредит и телу, и душе. Одна из комнат в ее просторной квартире приспособлена под множество спортивных снарядов, и время от времени вегетарианка заставляет себя вступить с ними в контакт. Нельзя сказать, что получает от этого огромное удовольствие, но — надо. Надо многое: договариваться со студиями, с продюсерами, с директорами клубов, срывать с места в любое время суток, отправляться на гастроли в холодные края. Ну и, конечно, заботиться о внешности и о теле. Тем более что с телохранителями давно уже произведен расчет. Нет, бывшим кандидатам физико-математических наук телохранители, разумеется, не нужны, но вот бизнесменам в наше неспокойное время... Впрочем, и это у нее уже в прошлом. В телевизионном интервью, данном после выступления в хит-параде "Останкино", Елена заявила, что, во-первых (несмотря на научную степень), она чрезвычайно склонна к мистике, а во-вторых, вся ее предыдущая жизнь, включая бизнес-период, была, как оказалось, подготовкой к песне...

— Можно спеть песню на одном профессионализме, а можно еще и "прожить" ее, наполнив особым эмоциональным оттенком, тем, что не переймешь. Получилось так, что, когда другие учились петь, я училась жить.

— Чтобы потом петь о пережитом?

— Разумеется, не так прямо. Ведь для того чтобы написать о тюрьме, совсем необязательно в ней сидеть. Жизнь складывается как складывается, это с одной стороны, а с другой — в ней не бывает случайностей. Я всегда знала, что буду петь, но получилось так, что долгие годы занималась как бы другими делами. Сколько себя помню, я стремилась быть независимой. И поскольку всегда считала, что женщина при желании может быть "круче" мужчин, хотела это доказать на собственном примере.

— Доказать кому и независимой от чего?

— Доказать себе и другим. Больше себе. А независимой... От быта, от запрограммированности женской судьбы, от надбеленных с детства табу, от бессилия перед обстоятельствами, от вульгарных притязаний мужчин, от монотонности

семейной жизни, убивающей в женщине женщину... Достаточно?... А то могу еще. Так вот, чтобы быть независимой, нужно уметь самой зарабатывать, нужны, ничего не поделаешь, деньги...

— О деньгах немало песен сложено, и одна из них — ваша. Тема благодарная и нестареющая, как и любовь.

— Но специфическая, в отличие от любовной. Деньги бесхарактерны, они могут служить и добру, и злу. Любовь же служит только добру.

— А любовь к деньгам?

— Зачем их любить, их надо просто зарабатывать. Я родилась в скромной даже по советским временам семье: мама — преподавательница русского языка и литературы, папа — рядовой инженер. Училась в престижной французской спецшколе. Вокруг — "упакованные" отпрыски "шишковатых" родителей...

— Чувствовали себя Золушкой?

— Вроде того. Но Золушке помогала волшебница, а у меня были только упрямство и неспокойная голова на плечах. При полном нежелании играть по принятым правилам и "на-

ходить язык". В детстве дралась с дворовыми мальчишками, в школе конфликтовала с комсомольской организацией, в Институте стали и сплавов, куда подалась после школы, — с преподавателями общественных предметов и обратно же — с горячо любимым комсомолом...

— Откуда такой выбор — Институт стали? Близость к характеру?

— Возможно, если еще учесть, что диссертацию я писала по такому романтическому предмету, как физика твердого тела. И вообще пророчили хорошую карьеру физика, однако...

— Сталь закалялась, закалялась и вдруг стала плавиться.

— Вот именно. Времена круто изменились, и теперь уже наука оказалась в положении Золушки. А жизнь на обочине менее всего устраивала. Я сильно переживала. Ну и... вышла замуж. За своего научного руководителя, которого тоже не устраивала роль пасынка времени.

— Решили, значит, играть по правилам?

— Правила тут ни при чем. Просто я люблю сильных людей,

наделенных талантом и интеллектом, а он был именно таким. Вначале пошла у нас полоса трудной жизни. Потом мы создали кооператив. Он рос, рос...

— И что же выросло?

— А не скажу. Скажу только, что начались поездки по странам и континентам. Это было интересно, хотя и трудно: все же не увеселительные прогулки. Мир бизнеса — это такая закрытая резервация со своими правилами, рациональными и жесткими. Не слишком веселое, а иногда просто опасное местечко. Свообразный мужской клуб. Женщин там мало, то есть они, конечно, имеются, но это, как правило, гусыни при своих занятых и важных гусях. Время от времени надевают спецуху (норковая шубка плюс бриллиантовый гарнитур) и появляются на торжественных мероприятиях, а по большей части умирают от скуки и по этой же причине затевают маленькие романчики... Так вот, работали мы, работали с мужем, пока нам не стало тесно.

— В одной квартире?

— В одном обществе с ограниченной ответственностью. И тогда я вышла на тернистую дорогу индивидуального биз-

неса, что было крайне неосмотрительно с моей стороны, потому как в том мире женщин-бизнесменов не жалуют, прямо скажем, терпеть не могут. Жизнь была полна напряжения и всяческих перипетий, не жизнь, а сплошной триллер. Приходилось общаться с людьми разных национальностей, мастей, характеров, ладящими и не ладящими с законом, с джентльменами и откровенными подонками... Ну и, конечно, деньги, деньги, деньги... Для человека, ощущающего иное свое предназначение, ноша достаточно тяжелая, временами — просто неподъемная.

— От такой жизни, пожалуй, запоешь.

— Или затанцуеть. Однажды на одном из "па" я сказала себе: "Стоп! Хватит!" Уехала в свой домик в тихом местечке, далеко-далеко, писала стихи, читала, растила дочь, играла на гитаре... Кролики, овцы, куры — спокойствие и умиротворение.

— Наверное, в том самом тихом местечке в окружении кур и родилась песня "Птица". Там вы и стали петь?

— Я всегда играла на гитаре, особенно в студенческие годы, когда мы ходили в походы и сидели у костра. Пела для себя, для друзей. А там, в том самом тихом местечке, меня слушал профессиональный музыкант. Послушал и посоветовал всерьез заняться пением. Порекомендовал педагога. Так завершился один этап в моей жизни и начался следующий. Я вернулась в Москву, познакомилась с хорошими музыкантами, с замечательным звукорежиссером Юрой Богдановым, благодаря которому появился мой компакт-диск "Птица", с режиссером-клипмейкером Георгием Гавриловым, с художником Павлом Каплевичем, работавшим на наших клипах...

— И обрели наконец счастье.

— Счастье — не данность, это всего лишь момент, мимолетный и скоротечный. Счастье — когда ты говоришь и тебя понимают. Залось бы, так просто. Но вместе с тем так сложно. Вот почему я придаю большое значение словам в песне. Собственно, в русской песенной традиции нагрузка всегда ложилась на текст. Но сегодня эти традиции утеряны и сочетать их с существующими нормами коммерческой музыкальной эстетики — дело нелегкое.

— Еще одна тяжелая ноша... "Не хочу бросить на волю суеты слабый луч надежды..." — ваши слова? Что ж, раз знаете, то куда бросать, — справитесь, я думаю. Удачи!